

„СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА — САМ ЧЕЛОВЕК“

Бертольд БРЕХТ.

Спектакль «Кориолан» в постановке «Берлинер ансамбль» — это трагедия Шекспира в обработке Бертольда Брехта.

Шекспир и Брехт настолько, казалось бы, несовместимые величины, что у многих, не видевших спектакль «Кориолан», подобное «соавторство» вызвало настороженное, предвзятое отношение к нему.

Но спектакль, созданный коллективом «Берлинер ансамбль», настолько эпичен, темпераментен, насыщен действием и ясен как по сюжетной линии, так и по психологической характеристике персонажей, настолько ярок по мизансценам и цветовой гамме костюмов и аксессуаров, так закончен по декорации и освещению сцены, так богат музыкальным и звуковым оформлением, что полностью обезоружил даже самых строгих критиков.

Театр уходит от бытовых подробностей, но не потому, что стремится по-модному абстрагироваться от быта для показа прошлого как настоящего. Он решает бытовое условно, сценически, находя превосходное выражение брехтовского замысла в декорациях художника Карла фон Аппена.

Первое, что видит зритель, приходя на спектакль «Кориолан» в постановке театра «Берлинер ансамбль», — это большой белый экран. На нем грузински написано о том, что римский полководец Кай Марций, действуя на свой страх и риск, пошел походом на вражеский город Кориолан, завоевал его, за что и получил имя Кориолан. Неожиданно он заключил союз с побежденными войсками — исконными врагами Рима — и привел огромное войско к воротам родного города, требуя безоговорочной капитуляции. Риму грозила гибель. Ни униженные просьбы прежних друзей Кориолана, ни вопли и стонания жителей всего города, прежде чтивших его, как бога, не смогли склонить его к снятию осады. Но когда в лагерь явилась мать Кориолана, бросилась перед сыном на колени и в страстной речи воззвала к его чувству человечности, он ответил войско от ворот осажденного города. Рим был спасен.

Так сообщают античные авторы. Но на белом экране добавлена еще одна фраза от имени создателей спектакля: «Но некоторые подразумевают и другие причины...».

Именно ради этих «других причин» и поставлен спектакль.

Читая и перечитывая шекспировский вариант «Кориола-

на», Брехт нашел, что великий драматург не вложил в уста матери достаточно веских аргументов. Многие видели в этом случайность... Бертольд Брехт, высоко ценивший искусство «читать» Шекспира, пришел в конце концов к следующему выводу: гениальный автор хотел дать понять, что отнюдь не любовь к матери заставила Кориолана отступить, а причины более веские и убедительные. И Брехт «вынес» эти причины на первый план. На протяжении всего спектакля подчеркивается сила и значение народных масс — плебса. И благодаря этому история Кориолана предстает совсем в ином свете. Сыновняя любовь заставляет его лишь выслушать мать, а не снять осаду. В решении Кориолана сыграла роль ведь о том, что «вся чернь готова к сопротивлению». Его неизбежную веру в себя поколебали слова женщины, некогда влюбившейся в него, мысль о его незаменности: «...незаменимым быть ты перестал, угрозой смертельной стал народу ты всему».

В брехтовском варианте Кориолан предстал не как герой и любящий сын, а как человек, чьи достоинства оборачиваются недостатками, как только он свой воинский талант использует против сограждан. Этим тезисом пронизан весь спектакль. Эталонной оценки личности Кориолана, да и человека вообще, становится степень общественной значимости любого его поступка. Вот отчего спектакль звучит современно, социально, злободневно.

Роль Кая Марция исполняет Экехард Шалль, актер неумных эмоций, высокого интеллекта, геркулесовской мощи актерской убедительности. Кориолан Э. Шалля богат нюансами. Мы его видим и тише-славыным, полным желания доказать свой талант военачальника, и заносчивым — во встречах с людьми из народа, которых он откровенно презирает, и упоенным триумфом — надо видеть, каким божественным величием полон каждый мускул его лица, когда его — победителя — на руках вносят в Рим, и яростно остервенелым — в напряженной схватке с Авфилием.

Кстати, последняя сцена интересна и в режиссерском плане (режиссеры-постановщики Манфред Векверт и Иоахим Теншерт). На огромной пустой сцене остаются лишь два противника. Лицом к лицу, готовые биться до последнего вздоха. Вначале они в полном боевом облачении. Несколько

столкновений — и отброшены плащи. Потом — шлемы, затем — щиты и мечи. Наконец, безоружные, они схватились врукопашную в безудержной, смертельной ненависти друг к другу. И в этот кульминационный момент гаснет свет.

Внутренний и внешний накал поединка в этой сцене не ослабевает ни на мгновение, наоборот, ритм усиливается по мере напряжения обстановки, движения становятся резче, злее. В этом эпизоде Ганс Петер Райнке в роли Авфилия, предводителя вольсков, — достойный партнер Э. Шалля — Кориолана.

Коль скоро речь зашла об актерских удачах, нельзя обойти молчаньем Франца Бартольда, который мастерски создал убедительный образ римского военачальника, консула Коминия.

Дитер Клауп в роли сенатора Менения своей мягкой уравновешенностью составляет выгодный контраст с бурным темпераментным Кориоланом. Это вносит умеряющую струю в спектакль с его неистовыми страстями и бешеным ритмом.

И все же душа спектакля — Кориолан. Не только потому, что он является главным героем, что огонь, зажженный им на сцене, охватывает всех партнеров, но и потому, что в этом спектакле диалектика столкновения общества и личности предстает перед нами и как метод художественного процесса, и как эстетическая категория. Вот почему весь спектакль построен как борьба, как поединок, как единоборство. Так звучат сцены и у ворот Рима, когда голодающий плебс отказывается идти на войну, и перед укреплениями Кориол, отбивших штурм римлян, и сцена форума, где Кориолан, с трудом преодолевая отвращение, выполняет предвыборный обряд вербовки голодных... Спектакль этот — борьба героя и народа, который возглавляют народные трибуны Юний Брут (артист Ахил Петр) и Сициний Велут (артист Мартин Флерхингер). Фактически они, а не Авфилий, — основные противники Кориолана — и именно они победили его...

Но в противовес открытой, злобной, страстной вражде Авфилия народные трибуны ведут бой против Кориолана с достоинством, в спокойной уверенности в своей силе. Их борьба не проявляется в бурных сценических действиях в противовес целому ряду батальных сцен, выполненных с таким великолепным режиссерским мастерством, что с ними могут соперничать лишь картины боя на экране, созданные с помощью богатых возможностей кино.

О спектакле «Кориолан» можно бесконечно писать и говорить. Он целеустремлен, высокопрофессионален, зрелищен. Его можно понять, даже не зная немецкого, так удивительно владеют актеры психологией, мимикой, пластикой, так умело передают все краски переживаний. Все средства сценического искусства театра настолько совершенны, что творческий язык «Берлинер ансамбль» близок каждому. И едновымышленниками Брехта становятся все, сидящие в зале.

Е. ШАПАТАВА,
заслуженный деятель искусств Грузинской ССР.

Сцена из спектакля «Кориолан».

Фотохроника ГрузТАГа.